

Валентина Рузанова

- ▶ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
- ▶ e-mail: vd.ruz@mail.ru
- ▶ ORCID: 0000-0003-4381-5237

ПРИРОДА НОРМАТИВНОГО МАССИВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМАХ РОССИЙСКОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (В АСПЕКТЕ ПРОЦЕССА «ЦИФРОВИЗАЦИИ» ПРАВА)¹

THE NATURE OF THE NORMATIVE ARRAY IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND ITS PLACE IN THE SYSTEMS OF RUSSIAN LAW AND LEGISLATION (IN THE ASPECT OF THE PROCESS OF “DIGITALIZATION” OF LAW)

| Abstract

- ▶ *Goal* – the purpose of this research is to identify the nature of the normative array governing relations arising in connection with the introduction and use of information, including digital technologies, and to determine its place in the systems of Russian law and legislation.
- ▶ *Research methodology* – both general and particular methods of cognition were applied in the research: dialectical, systemic, intersectoral, etc.
- ▶ *Score/results* – the nature of the normative array in the field of information, including digital, technologies was revealed as a complex composition on the basis of the characteristics and range of regulated relations and its place was determined to be a secondary structure of law and an element of the legislative system. The author found that it is necessary to amend the legislation and to implement additional regulations of the new relationships.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

- ▶ *Originality/value* – theoretical conclusions and proposals can be used for further development of doctrinal approaches to building a system of law and legislation in the field of information technology and improving legal regulation.

| **Keywords:** information technology, “digitalization” of law, information legislation, complex composition.

1. Введение

Развитие информационных технологий и образование в связи с этим уникальных нормативных массивов требуют обращения к теоретическим вопросам построения системы российского права и законодательства. Внедрение Интернета во все сферы жизни привело к интенсивному формированию блоков норм, отражающих эту реальность. Процесс изменения формы передачи информации, представляющий собой переход с аналоговой формы на цифровую, требует серьезного теоретического осмысления.

Сегодня правовое опосредование «информационного потока» все больше напоминает «игру в догонялки»: право пытается успеть за динамично меняющейся ситуацией в сфере информационных технологий, осуществляя при этом фрагментарное нормирование существующих и вновь возникающих отношений.

В связи с этим считаем, что пришло время сделать некую «остановку» и попытаться определить природу нормативного массива, закрепляющего отношения, связанные с информационными, в том числе с цифровыми, технологиями, и, базируясь на достижениях отечественной науки, установить его место в системе российского права и законодательства.

2. Доктринальная основа определения правовой природы и места комплексных образований в системах права и законодательства

2.1. Теория полимерности систем права и законодательства как обоснование правовой природы и места комплексных образований

Доктринальной основой определения правовой природы и места комплексных образований в системах права и законодательства является признание таких систем в качестве «полимерных» структур. По нашему мнению,

«полимерность» системы законодательства более многообразна по сравнению с системой права [Ruzanova, 2012: 172–195]. Законодательство как форма использует собственные способы и варианты выражения своего содержания (права) и по сравнению с правом обладает более широким структурным многообразием. Подчеркнем, что именно отраслевая структура законодательства в целом ориентирована на структуру права. При этом следует иметь в виду существенные различия между отраслями законодательства, адекватными отраслям права, и комплексными отраслями законодательства [Ruzanova, 2012: 81]. Поскольку комплексные отрасли законодательства нацелены на создание нормативных массивов, обеспечивающих регулирование определенной сферы деятельности, и объединяют разноотраслевые правовые нормы, то система права оказывает на них лишь косвенное влияние. Вместе с тем, очевидна и обратная связь: в результате формирования на законодательном уровне комплексных нормативных общностей в системе права образуется вторичная структура. Таким образом, можно говорить о том, что формирование вторичных структур в праве идет как бы «от законодателя».

Если полимерность законодательства не вызывает споров в литературе, то вопрос о полимерности права продолжает оставаться дискуссионным.

В доктрине в связи с этим возникло два принципиальных вопроса:

- 1) являются ли комплексные правовые образования элементами системы права и (или) законодательства?
- 2) и если они относятся к системе права, то какое место в ней занимают?

По существу подавляющее большинство ученых признает наличие комплексных правовых образований, дискуссия же в основном разворачивается по вопросу о возможности (или невозможности) признания их отраслями права [Ruzanova, 2012: 79]. При этом, одни авторы считают, что комплексным может быть только законодательство [Polenina 1999: 7–8; Sukhanov, 2004: 42–43], другие – что и законодательство, и право [Khabrieva, 2007: 9–10], а третьи – не допускают образование комплексов ни в праве, ни в законодательстве [Karavchikov, 1975: 69–70].

Кроме того, в литературе вопрос о комплексных образованиях ставится и в аспекте их масштаба, т.е. с точки зрения того, могут ли они представлять собой более крупные, чем отрасль, структурные образования. Доктрина допускает такой вариант, однако мнения разнятся в зависимости от позиции автора по проблеме возможности их формирования в праве или

законодательстве. Применительно к системе права обычно говорят о «над-отраслях», а относительно системы законодательства – о «законодательных массивах» или «комплексах» [*Sovremennoe...*, 1999: 23].

2.2. Концепция «удвоения» права как методологическая основа квалификации комплексных образований в качестве вторичных структур в системе права

Наш вывод о полимерности права основывается на «теории удвоения структуры права», разработанной С.С. Алексеевым, который предложил рассматривать комплексные образования в качестве вторичной структуры права, наслаивающейся над главной структурой [Alekseev, 1975: 63–64]. В частности, он пишет, что «комплексные образования реально обособляются не столько потому, что существуют самостоятельные нормативные юридические акты, сколько потому, что при помощи этих актов произошло известное согласование норм, выработаны некоторые общие положения и приемы регулирования, нормативный материал объединен нормативными обобщениями» [Alekseev, 1975: 28]. Таким образом, само создание таких комплексов (прочных правовых общностей), наличие которых невозможно отрицать в силу их реального существования, идет как бы «от законодателя», который путем издания соответствующих нормативных актов объективирует данные правовые образования [Ruzanova, 2012: 80]. Как верно подчеркивается в доктрине, «само появление и существование комплексных нормативных актов и комплексных отраслей законодательства есть результат взаимодействия различных отраслей права в регулировании отношений определенной сферы общественной жизни» [Yakovlev, 2012: 754].

Если комплексные образования отнести только к сфере законодательства, то тогда закономерно возникают следующие вопросы: какое содержание (с позиции соотношения права и законодательства как содержания и формы) имеют комплексные отрасли законодательства (иные комплексные нормативные образования) и что представляет собой законодательно «оформленная» разноотраслевая совокупность правовых норм? В литературе в основном дискуссия ведется в аспекте возможности (или невозможности) признания их отраслями права. Ответ на поставленный вопрос, на наш взгляд, зависит от той системы координат, которая принята в качестве базы для дискуссии. Так, если мы исходим из устоявшегося (но далеко не единственного) понимания отрасли права как системы правовых норм,

выделяемой по критериям предмета и метода, то указанные правовые образования нельзя причислить к отрасли права. Действительно, в случае признания права одномерным явлением, найти место в его системе для комплексных образований практически невозможно. Если эти образования не занимают никакого места в системе права, то тогда закономерен вывод о том, что комплексные отрасли законодательства (комплексные институты) вообще никаким образом не выражают такую структуру (систему). И действительно, в силу комплексности (комплексной природы) они не отражают и не могут отражать отраслевую структуру права (в общепринятом ее понимании) [Ruzanova, 2012: 81]. Но это не означает, что их нет как нормативных общностей. Спор о названии комплексных образований мы не считаем принципиальным, главное, что они существуют и не только в системе законодательства, но и в системе права (в качестве вторичных образований), и это обстоятельство нельзя игнорировать [Ruzanova, 2012: 81]. Существование в праве вторичных образований позволяет нам сделать вывод о полимерности права, т.е. о наличии в праве двух структур (первичной – отраслевой структуры и вторичной – комплексной структуры).

Приведенные теоретические соображения могут быть использованы законодателем при решении вопросов о построении того или иного комплексного нормативного массива, о принципах и механизмах взаимодействия (на уровне правовых норм и источников) таких массивов как между собой, так и с отраслевыми общностями.

3. Влияние процесса «цифровизации» права на формирование законодательства в сфере информационных технологий

3.1. Подходы к правовому регулированию отношений в сфере информационных технологий

Сегодня информационный, в том числе, цифровой, аспект проник буквально во все сферы экономики и жизни общества, поэтому привести правовое регулирование к какому-то единому знаменателю весьма сложно. Несмотря на все многообразие таких отношений, их связь с внедрением и использованием информационных, в том числе, цифровых, технологий свидетельствует о принципиальной возможности их правового регулирования как единого комплекса. В литературе дается множество, близких по сути, определений

информационных технологий, которые сводятся к процессу использования совокупности «средств и методов сбора, обработки и передачи данных для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления» [Konopleva, Khokhlova, Denisov, 2014: 5–37].

Предварительно скажем, что информационные технологии нельзя сводить только к компьютерным технологиям, поскольку они включают и «бескомпьютерные» технологии (бумажные, оплотехнические, электронно-технические) [Belashov, 2015: 59].

Отношения, связанные с информационными технологиями, обладают рядом особенностей, главной из которых является их динамичность, обусловленная появлением все новых и новых технологий и объектов. Они характеризуются также высокой степенью неоднородности, обусловленной широким охватом и многообразием сфер, в которых эти связи возникли и продолжают возникать. И даже сами цифровые технологии, как известно, существенно разнятся.

Для оценки перспектив урегулирования рассматриваемых отношений важно установить то общее, что их объединяет и соответственно делает возможным осуществление их правового регулирования как комплекса. Следовательно, объединяющим фактором здесь выступает связь отношений с внедрением и использованием информационных (в том числе, цифровых) технологий [Rozhkova, 2020: 5–12].

В настоящее время, как известно, идет процесс перехода с аналоговой на цифровую форму передачи информации, которая в литературе называется «цифровизация права» [Lomakin, 2017: 71–74]. Он представляет собой использование цифровых технологий «в целях оптимизации процессов и правоотношений, а также создание новой цифровой реальности, которая также требует правового регулирования или присутствия уполномоченного государством регулятора» [Karcshiya, 2018: 37]. Цифровизация оказывает влияние, как известно, не только собственно на право, но и правореализационные механизмы, что не менее значимо. «Цифра» проникла буквально во все отрасли отечественного материального и процессуального права. В частности, гражданском праве, такие технологии широко применяются в праве интеллектуальной собственности, договорном праве и др., уже не говоря о том, что цифровые права признаны объектами гражданских прав.

Однако процесс «цифровизации» может влечь и негативные последствия, например, в сфере оказания услуг гражданам. С одной стороны, растет доступность последних, а, с другой, резко усложняется решение

вопросов, требующих оперативного реагирования исполнителя и связанных, в частности, с качеством оказываемых услуг, с необходимостью фиксации и быстрого устранения неполадок и сбоев в системе, перерасчета оплаты и т. д. Это приводит к массовому нарушению прав граждан как потребителей.

Мы согласны с мнением о том, что в отношении «цифровизации», все-таки, не следует допускать «неоправданный фетишизм», поскольку по существу она выступает в качестве одного из важных, но дополнительных способов оптимизации правового регулирования и правоприменения при помощи цифровых технологий [Tonkov, 2019: 7].

В связи с объявлением курса на развитие информационного общества (Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203) в настоящее время в России идет активный законотворческий процесс: принимаются новые и вносятся изменения в существующие нормативные правовые акты, начинают формироваться новые правовые институты. Как справедливо отмечается в литературе, в связи с цифровизацией будет меняться не только содержание, но и форма и даже механизм действия права [Khabrieva, 2019: 20–21].

Для обозначения нормативных общностей, опосредующих отношения, связанные с внедрением и использованием информационных технологий, в отечественной и зарубежной юридической литературе используются различные термины: «компьютерное право», «интернет-право», «право киберпространства», «веб-право», «цифровое право». Заметим, что нельзя сводить влияние информационных технологий на правовую сферу только к интернету, поскольку такое влияние могут оказывать и иные технологии [Rozhkova, 2020: 4–11].

Полагаем, что спор о терминах не является принципиальным, поскольку главное состоит в установлении сущности определяемого явления. Вместе с тем, мы понимаем, что терминологическая определенность играет важную роль в научном общении и создает доктринальную базу для установления единообразного легального аппарата. Считаем, что в данном случае можно использовать давно вошедшее в научный оборот и устоявшееся название «информационное право», являющееся более широким понятием. Внутри же этого права следует сформировать сначала доктринальный, а затем легальный понятийный аппарат, отражающий его внутреннюю градацию. Традиционно в России именно так именуется нормативный массив, составными элементами которого являются законодательство собственно об информации; законодательство в сфере современных информационных

технологий; телекоммуникационное законодательство [Tereshchenko, 2013: 11]. Такая структура информационного законодательства выражает неразрывную связь информации и технологий, которая особенно проявляется в области электронного документооборота, что лишь подтверждает постепенную цифровизацию права [Lomakin, 2017: 71–74]. Как видим, информационным правом охватывается широкий круг отношений, в составе которых в качестве составной части входят отношения, связанные с внедрением и использованием информационных технологий.

Требуется выяснить, какое влияние цифровизация права оказывает на систему права и законодательства в информационной сфере: приводит ли она к образованию отдельного нормативного массива, функционирующего наряду (или параллельно) с существующим, или же это часть общего режима.

В связи с цифровизацией права в литературе ставятся вопросы о том, возможно ли новое регулирование в рамках классических правовых категорий гражданского или иных отраслей права или требуется кардинально новый подход к праву и правоприменению [Karckhiya, 2018, с. 40]. В доктрине в связи с этим наметилось два подхода: одни авторы полагают, что к отношениям, возникающим в связи с применением Интернета, может применяться существующее законодательство, требуется только его корректировка, другие ученые исходят из необходимости разработки отдельных законов. Мы поддерживаем высказанную в литературе так называемую «промежуточную» позицию, согласно которой в традиционное законодательство необходимо внести соответствующие изменения, а новые отношения, возникающие в рассматриваемой сфере, урегулировать дополнительно [Rozhkova, 2020: 5–12]. Однако, высказанные соображения требуют конкретных пояснений относительно формирования системы правового регулирования в аспекте соотношения правовых режимов и источников.

3.2. Формирование системы правового регулирования отношений, связанных информационными технологиями, в аспекте соотношения правовых режимов и источников

Современное информационное право как комплексное образование стремится к масштабам надотрасли, поскольку, как отмечалось, речь идет не просто о регулировании какой-то отдельной сферы деятельности, а об информационной составляющей практически всех сфер экономики и жизни

общества и о формировании новой (цифровой) реальности. Как законодательство оно представляет собой крупный разветвленный законодательный блок, превышающий по объему традиционные комплексные законодательные массивы.

Здесь мы сосредоточим внимание на структурно-функциональной стороне правового регулирования, поскольку содержательный аспект заслуживает самостоятельного анализа. Применительно к последнему отметим только некоторые принципиальные с нашей точки зрения моменты: необходимость учета международного опыта, осуществление поиска баланса между публично-правовыми и частноправовыми началами, формирование системы действенных мер по защите граждан как потребителей услуг.

С точки зрения функционального назначения информационные технологии условно можно разделить на две основные группы:

- 1) играющие «обслуживающую роль», т. е. придающие новую форму существующим отношениям;
- 2) создающие новые отношения, связанные с функционированием Интернета (новую реальность).

Именно в первой группе технологий наиболее ярко проявляются связи отраслевой и комплексных структур в праве и законодательстве. Условность же такого деления состоит в том, что, строго говоря, «новая реальность» – она одна и действует по собственным правилам, но при ее применении к традиционным правовым отраслям (институтам) она вынуждена взаимодействовать с ними, в связи с чем на стыке «старого» и «нового» создается целый блок «адаптирующих» норм. В доктрине этот процесс образно называют цифровой «прививкой» традиционным отраслям законодательства [Khabrieva, 2019: 18]. Между тем, такая «условность» помогает установить соотношение общего и специальных правовых режимов.

«Реальность», образуемая в связи с процессом цифровизации, действительно требует установления специальных правил ее функционирования, что, в конечном итоге, должно привести к формированию достаточно автономного правового режима. Однако степень такой автономности должна укладываться в формат: «общее – специальное», поскольку отношения в сфере информационных технологий обладают «родовым единством», предопределяемым их неразрывной связью с информацией. Считаем, что для формирования целостного правового режима в информационной сфере необходимо сформулировать отвечающие современным требованиям общие

положения об информационных технологиях, и на основе их классификации (по определенным критериям) установить «параметры» специальных правовых режимов. В свою очередь, последние могут развиваться через создание относительно самостоятельных нормативных массивов с соблюдением принципа «встраивания» новых норм в существующую правовую систему.

Далее, если исходить из того, что информационное законодательство состоит из отдельных нормативных блоков (законодательства собственно об информации, законодательства в сфере современных информационных технологий, телекоммуникационного законодательства), то его система должна быть построена в виде иерархической структуры. Во главе информационного законодательства должен стоять «головной закон», значение которого в построении отдельных элементов законодательной системы нашло глубокое теоретическое обоснование в отечественной науке [Shebanov, 1968: 93]. Сегодня такая роль по праву принадлежит Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Federalnyj..., 2006], несмотря на его недостатки и «отставание» от современных процессов. Такое положение дел свидетельствует о необходимости серьезной содержательной и структурной переработки этого документа. В связи с этим мы критически относимся к утверждению о необоснованности придания этому закону роли узлового акта [Rozhkova, 2020: 9–13]. Именно в нем должны быть закреплены: общие положения, относящиеся ко всей информационной сфере, деление на нормативные блоки (исходя из названной выше групп регулируемых отношений), общие положения об отдельных блоках (например, о законодательстве в сфере современных информационных технологий) и параметры специальных правовых режимов (например, цифровых технологий).

Изложенное не позволяет согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что именно деление правовых норм по отраслевому признаку не позволило праву информационных технологий «встроиться» в систему российского права (по причине неоднородности регулируемой сферы и разнообразия используемых методов регулирования [Rozhkova, 2020: 9–13]. Полагаем, что не следует искать место анализируемого блока в отраслевой системе российского права, поскольку он представляет собой иное правовое явление и его место определяется фактом принадлежности к комплексным нормативным образованиям.

Считаем, что законодателю необходимо обеспечить системный подход к регулированию рассматриваемых отношений путем осуществления со-

гласования правовых норм, в том числе и с отраслевыми нормами с учетом юридической силы отраслевых источников (отраслевого законодательства), например, установить соотношение Гражданского кодекса Российской Федерации и комплексных нормативных актов в данной сфере.

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Нормативный массив в сфере информационных технологий имеет комплексную природу и в силу полимерности права и законодательства выступает в качестве их вторичных структур. Это означает, что законодателю необходимо обеспечить его взаимодействие (на уровне правовых норм и источников) как с другими комплексными, так и с отраслевыми нормативными массивами.

«Цифровая реальность» должна быть «встроена» в существующую правовую систему путем внесения соответствующие изменений в действующие нормативные акты, а также дополнительного правового регулирования новых отношений.

Во главе информационного законодательства должен стоять «головной закон», в котором должны быть закреплены: общие положения, относящиеся ко всей информационной сфере, деление на нормативные блоки (исходя из групп регулируемых отношений), общие положения об отдельных блоках (например, о законодательстве в сфере современных информационных технологий) и параметры специальных правовых режимов (например, цифровых технологий).

Специальные режимы информационных (в том числе цифровых) технологий должны формироваться путем создания относительно самостоятельных нормативных массивов, сопряженных с положениями «головного» закона.

| Литература

Alekseev S.S., 1975, *Struktura sovetskogo prava*, Moskva || Алексеев С.С., 1975, *Структура советского права*, Москва.

- Belashov P.D., 2015, *Ponyatie "kompyuternye tekhnologii" v ramkakh informacionnykh tekhnologij v obuchenii*, "XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus: Periodicheskoe nauchnoe izdanie", No. 6, Vol. 1, pp. 54–59 || Белашов П.Д., 2015, *Понятие «компьютерные технологии» в рамках информационных технологий в обучении*, «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс: Периодическое научное издание», № 6, т. 1, с. 54–59.
- Federalnyj zakon ot 27.07.2006 No. 149-FZ "Ob informacii, informacionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informacii", Sobranie zakonodatelstva RF 2006, No. 31 (part 1), Art. 3448 || Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Собрание законодательства РФ 2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
- Karckhiya A.A., 2018, *Cifrovizaciya v prave i pravoprimerenii*, "Monitoring pravoprimereniya", No. 1 (26), pp. 36–40 || Карцхия А.А., 2018, *Цифровизация в праве и правоприменении*, «Мониторинг правоприменения», № 1 (26), с. 36–40.
- Khabriyeva T.YA., 2007, *Migracionnoe pravo kak strukturnoe obrazovanie rossijskogo prava*, "Zhurnal rossijskogo prava", No. 11, pp. 3–16 || Хабриева Т.Я., 2007, *Миграционное право как структурное образование российского права*, «Журнал российского права», № 11, с. 3–16.
- Khabriyeva T.YA., 2019, *Pravo v usloviyakh cifrovizacii*, Sankt-Peterburg || Хабриева Т.Я., 2019, *Право в условиях цифровизации*, Санкт-Петербург.
- Konopleva I.A., Khokhlova O.A., Denisov A.V., 2014, *Informacionnye tekhnologii: uchebnoe posobie*, Moskva || Коноплева И.А., Хохлова О.А., Денисов А.В., 2014, *Информационные технологии: учебное пособие*, Москва.
- Krasavchikov O.A., 1975, *Sistema prava i sistema zakonodatelstva*, "Pravovedenie", No. 2, pp. 69–71 || Красавчиков О.А., 1975, *Система права и система законодательства*, «Правоведение», № 2, с. 69–71.
- Lomakin A., 2017, *Cifrovizaciya prava*, "Trudovoe pravo", No. 9, pp. 65–74 || Ломакин А., 2017, *Цифровизация права*, «Трудовое право», № 9, с. 65–74.
- Polenina S.V., 1999, *Vzaimodejstvie sistemy prava i sistemy zakonodatelstva v sovremennoj Rossii*, "Gosudarstvo i pravo", No. 9, pp. 5–12 || Поленина С.В., 1999, *Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России*, «Государство и право», № 9, с. 5–12.
- Rozhkova M.A., 2020, *Yavlyaetsya li cifrovое pravo otraslyu prava i nuzhno li ozhidat royavleniya Cifrovogo kodeksa?*, "Khozyaystvo i pravo", No. 4, pp. 3–13 || Рожкова М.А., 2020, *Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса?*, «Хозяйство и право», № 4, с. 3–13.
- Ruzanova V.D., 2012, *Sistema grazhdanskogo zakonodatelstva: metodologicheskie voprosy formirovaniya*, "Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika, predprinimatelstvo, pravo i upravleniye", No. 8 (27), pp. 78–82 || Рузанова В.Д., 2012, *Система гражданского законодательства: методологические вопросы формирования*, «Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление», № 8 (27), с. 78–82.

- Ruzanova V.D., 2012, *Sootnoshenie sistemy grazhdanskogo prava i sistemy grazhdanskogo zakonodatelstva: grani vzaimodejstviya*, [in:] *Grazhdanskoe pravo kak nauka: problemy istorii, teorii i praktiki: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkakh ezhegodnikh civilisticheskikh chtenij, posvyashchennoj 70-letiyu M.K. Sulejmenova*. Almaty, 29–30 sentyabrya 2011 g., Almaty, pp. 172–195 || Рузанова В.Д., 2012, *Соотношение системы гражданского права и системы гражданского законодательства: грани взаимодействия*, [в:] *Гражданское право как наука: проблемы истории, теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции в рамках ежегодных цивилистических чтений, посвященной 70-летию М.К. Сулейменова*. Алматы, 29–30 сентября 2011 г., Алматы, с. 172–195.
- Shebanov A.F., 1968, *Forma sovetskogo prava*, Moskva || Шебанов А.Ф., 1968, *Форма советского права*, Москва.
- Sovremennoe sostoyanie rossijskogo zakonodatelstva i ego sistematizaciya. Materialy kruglogo stola 1999*, “Gosudarstvo i pravo”, No. 2, pp. 23–31 || *Современное состояние российского законодательства и его систематизация. Материалы круглого стола 1999*, «Государство и право», № 2, с. 23–31.
- Sukhanov E.A., 2004, *O problemakh stanovleniya i razvitiya rossijskogo chastnogo prava. Civilisticheskie zapiski: Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 3. K 80-letiyu S.S. Alekseyeva*, Moskva–Yekaterinburg, pp. 26–46 || Суханов Е.А., 2004, *О проблемах становления и развития российского частного права. Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. К 80-летию С.С. Алексеева*, Москва–Екатеринбург, с. 26–46.
- Tereshchenko L.K., 2013, *Modernizaciya informacionnykh otnoshenij i informacionnogo zakonodatelstva*, Moskva || Терещенко Л.К., 2013, *Модернизация информационных отношений и информационного законодательства*, Москва.
- Tonkov E., 2019, *Cifrovizaciya prava: problemy i perspektivy*, “Vestnik sudejskogo soobshchestva Belgorodskoj oblasti”, No. 10, pp. 6–9 || Тонков Е., 2019, *Цифровизация права: проблемы и перспективы*, «Вестник судейского сообщества Белгородской области», № 10, с. 6–9.
- Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 “O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody”, Sobranie zakonodatelstva RF 2017, No. 20, Art. 2901 || Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», Собрание законодательства РФ 2017, № 20, ст. 2901.
- Yakovlev V.F., 2012, *Grazhdanskoe pravo v sisteme prava*, [in:] V.F. Yakovlev, *Izbrannyye trudy. Grazhdanskoe pravo: Istoriya i sovremennost*, Vol. 2, No. 1, Moskva, pp. 730–755 || Яковлев В.Ф., 2012, *Гражданское право в системе права*, [в:] В.Ф. Яковлев, *Избранные труды. Гражданское право: История и современность*, т. 2, кн. 1, Москва, с. 730–755.